

Текст · 7 октября 2019, 06:12

Максим Литаврин,

Дело о трех листовках. Как московский вундеркинд стал обвиняемым в оправдании терроризма

17 октября 2018 года 18-летний студент Керченского политехнического колледжа Владислав Росляков пришел на занятия с помповым ружьем, убил 20 человек и совершил [Роскомнадзор].

Через пять дней после этого — 23 октября — ответственность за шутинг в Крыму взяла на себя никому не известная организация «Революционные школьники города Москвы»: около четырех часов пополудни ее распечатанное в единственном экземпляре заявление появилось на дверях управы района Филевский парк.

«Общественная реакция нас убедила: мы на правильном пути. Отныне мы будем устраивать что-то подобное регулярно. Трепещите, неправедные патриции», — угрожал неизвестный автор. Рослякова он называл «революционным школьником», «бесстрашным анархистом и антифашистом, который бросил вызов захватившей Россию черносотенной сволочи».

Ни посетители управы, ни чиновники, ни случайные прохожие листка на двери так и не заметили — он провисел не больше минуты, пока его не сорвал охранник. Несмотря на это, заявление

все же нашло своих внимательных читателей — ими стали сотрудники ФСБ. Уже через десять дней предполагаемый автор листовки, ученик образовательного центра «Протон» Марат Нигматулин 2001 года рождения давал объяснения оперативникам спецслужбы.

Подросток настаивал: никаких «революционных школьников» не существует, а заявление он сочинил, чтобы произвести впечатление на свою одноклассницу. Тем не менее Марата обвинили в публичном оправдании терроризма (часть 1 статьи 205.2 УК, до четырех лет лишения свободы).

Приключение для Алисы

К неполным 17 годам Марат, по словам его отца Владислава Нигматулина, самостоятельно выучил английский, латинский и древнегреческий, издал [книгу](#) размышлений о реформе образования, а также сочинил десятки стихотворений, рассказов, поэм и критических статей на разных языках. На авторской [странице](#) юноши в журнале «Самиздат» его перевод работы экономиста Томаса Пикетти о неравенстве в России и доклады с научных конференций в МГУ соседствуют с сатирическими одами Владимиру Путину и повестью о Копатыче из «Смешариков», который работает бухгалтером у рабовладельца и хозяина опиумной плантации.

«Необычный мальчишка такой. Он познает все, ему интересно все. Правда, друзей в школе у него почти не было — интересы не пересекались с одноклассниками», — признает отец. Марат общался со сверстниками только на уроках, а в свободное

время читал, гулял или ходил на пробежки — всегда в одиночестве.

Одноклассница Нигматулина Алиса Орлова в разговоре с «Медиазоной» тоже называет его непохожим на сверстников. «Интеллектуал, любил историю, обществознание... Ярый коммунист», — говорит она. Марат оказывал ей знаки внимания с восьмого класса, но подружились молодые люди только к концу десятого — в мае 2018 года. «Мне просто захотелось пофилософствовать, так слово за слово и начали общаться. У нас было с ним некое интеллектуальное родство, поэтому, наверное, и сблизились», — объясняет девушка.

Для Марата Алиса стала первым близким другом. Они переписывались «ВКонтакте» и гуляли в Филевском парке. Позже на допросе в качестве свидетеля Орлова вспоминала, что во время этих прогулок их беседы кроме школьных дел касались философских и идеологических вопросов. При этом одноклассники дали противоречивые показания о том, кто из них чаще заводил речь о политике. Марат утверждал, что Алисе нравились левые радикалы XX века — Ульрика Майнхоф и Че Гевара. Девушка, напротив, говорила, что это Марат, будучи убежденным коммунистом, делился с ней книгами «военной, партизанской, террористической тематики». «Книги я не читала... Я не придерживаюсь каких-либо взглядов, мне больше интересна философия, психология», — убеждала следователя Алиса.

Иллюстрация: Мария Толстова / «Медиазона»

Марат переживал за подругу: Алиса писала ему «ВКонтакте», что хочет умереть, часто пропускала уроки и, по ее словам, боролась с депрессией. «Он ей очень сочувствовал, хотел чем-то поддержать, чем-то увлечь. Мама ему посоветовала: попробуй переключить ее внимание на что-то другое», — рассказывает Владислав Нигматулин. Постепенно молодой человек пришел к мысли, что одноклассницу спасет «приключение».

«Летом я решил ей помочь, а именно, вытащить Алису из депрессии. <...> Алиса сама мне неоднократно говорила, что ей хочется какого-нибудь "приключения". Тогда я и придумал "приключение"», — говорил школьник на допросе. Идея Марата была проста: от имени вымышленной леворадикальной организации расклеивать листовки на зданиях госучреждений. Юноша надеялся произвести на Алису впечатление и отвлечь ее от мрачных мыслей, но, судя по показаниям Орловой, не преуспел.

«Я на это никак не отреагировала, просто выслушала его», — комментировала она идею друга в разговоре со следователем.

Так или иначе, 28 июля 2018 года «революционные школьники» впервые заявили о себе: ранним утром на дверях главного офиса Пенсионного фонда на Шаболовке появился листок с рукописным текстом следующего содержания.

Господа чиновники!

К вам обращаются революционные школьники города Москвы.

На протяжении последних двадцати лет вы разоряли нашу Отчизну. Мы молчали. Вы разрушали промышленность и выводили капиталы в другие страны. Мы молчали. Вы уничтожали свободу слова, вводили тотальный контроль за гражданами, запрещали интернет-сайты и книги. Мы молчали. Вы закрывали больницы и школы, сокращали бюджетные места в вузах. Мы молчали. Вы морили голодом нашу науку, но при этом подбрасывали денег церковникам и мракобесам. Мы молчали. Молчали потому, что искренне надеялись на ваше исправление.

Теперь вы лишаете нас пенсий. Больше молчать мы не будем.

Мы обращаемся к вам от лица российской молодежи. Молодежи, у которой не будет высшего образования. Молодежи, у которой не будет хорошей работы. Молодежи, у которой не будет пенсии. Молодежи, у которой нет будущего. Нет потому, что вы его у нас украли.

Мы пытались достучаться до вас мирными средствами. Но вскоре мы поняли, что это бесполезно. В политике не слышат ничего тише взрыва динамита.

Теперь мы переходим к открытой террористической войне против государства. Вы лишили нас будущего. Мы лишим вас жизни.

На самом деле, объяснял потом Марат следователю, затея с листовкой была лишь предлогом, чтобы выманить подругу на прогулку, а манифест юноша написал, надеясь «показать Алисе, на что он способен». Но «Алиса в тот день не пришла, так как проспала», — коротко рассказал он на допросе об итогах акции.

Листок на дверях ПФР Нигматулин сфотографировал и скинул администратору группы «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!».

Пост в этой группе и стал первым упоминанием «революционных школьников» в интернете.

Благодаря публикации «ВКонтакте» следствие позже сможет отправить текст заявления на экспертизу — оригинал листовки, на которую никто не обратил внимания, не сохранился.

Первая листовка на дверях главного здания Пенсионного фонда на Щаболовке. Фото: «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» / «ВКонтакте»

3 июля Марат снова захотел вытащить Алису из дома. Наученный опытом, на этот раз он назначил встречу на три часа дня — и девушка не проспала. Теперь Нигматулин решил приклеить записку на ворота военной базы — правда, молодой человек ошибся и принял за воинскую часть лечебно-диагностический центр

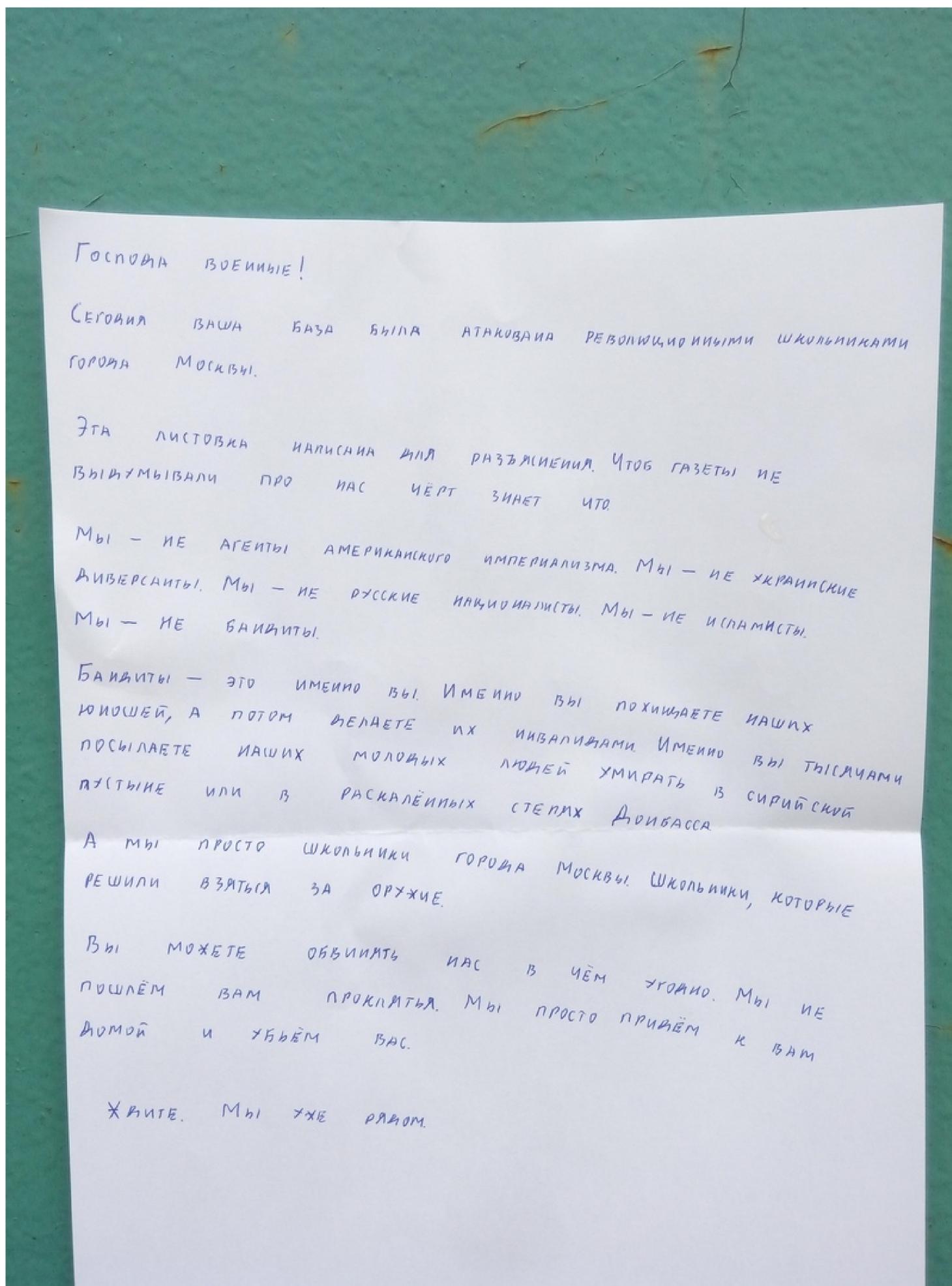
Минобороны на Филевской улице. На железных воротах медучреждения появился следующий текст.

*Господа военные!
Сегодня ваша база была атакована
революционными школьниками города Москвы.
Эта листовка написана для разъяснения. Чтоб
газеты не выдумывали про нас черт знает что.
Мы — не агенты американского империализма.
Мы — не украинские диверсанты. Мы — не русские
националисты. Мы — не исламисты. Мы — не
бандиты.
Бандиты — это именно вы. Именно вы забираете
наших юношей, а потом делаете их инвалидами.
Именно вы тысячами посылаете наших молодых
людей умирать в сирийской пустыне или в
раскаленных степях Донбасса.
А мы просто школьники города Москвы.
Школьники, которые решили взяться за оружие.
Вы можете обвинять нас в чем угодно. Мы не
пошлем вам проклятья. Мы просто придем к вам
домой и убьем вас.
Ждите. Мы уже рядом.*

«Атакой» школьник назвал поджог аэрозольного баллончика. «Марат разместил баллон под забор поликлиники, [поджег его], потом этот баллон бахнул, после чего мы убежали», — говорится в протоколе допроса Алисы. По словам Владислава Нигматулина, позже оперативники ФСБ будут убеждать его сына признаться, что он изготовил и привел в действие настоящее самодельное взрывное

устройство, однако 3 июля ни хлопка, ни листовки на воротах никто не заметил.

«Я просто хотел понравиться Алисе, — повторял на допросе обвиняемый. — Думал, текст такого характера произведет на нее впечатление. В реальности я не намеревался реализовывать написанное мной, а под оружием я подразумевал слово, а не действие». Теми же словами Марат объяснял и появление листовки на дверях управы района Филевский парк: школьник подчеркивал, что текст был адресован его подруге, а поступок «керченского стрелка» Рослякова он не одобряет.

Листовка на воротах лечебно-диагностического центра Минобороны. Фото: «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» / «ВКонтакте»

«Клеил листовку?» — «Клеил». Следствие

2 ноября 2018 года Владиславу Нигматулину позвонил незнакомец. Он представился полицейским и без объяснений предложил родителям вместе с Маратом сегодня же явиться в ОВД «Филевский парк». В полиции Нигматулиных ждали пятеро оперативников, которые не называли своих имен и

званий; отец юноши уверен, что большинство из них служат не в МВД, а в ФСБ.

«Мы прошли в маленькую комнату. Марату показали фото с камеры наблюдения возле управы, где можно разглядеть его лицо. Спросили: "Клеил листовку?" — "Клеил". Так все началось», — пересказывает беседу с силовиками Владислав. По его словам, опрос в тот день длился больше десяти часов, его записывали на видео. В какой-то момент Нигматулиных отвезли в здание УВД по ЗАО на Минском шоссе, чтобы не занимать кабинеты в тесном районном отделе — согласно материалам дела, оперативным сопровождением расследования действительно занимаются сотрудники Центра «Э» из управления по Западному округу.

В какой-то момент, вспоминает Владислав, силовики рассказали, как вышли на его сына. Работник управы написал заявление из-за листовки, оперативники получили кадры с камер наблюдения и стали обходить окрестные школы, предлагая педагогам опознать подростка. Образовательный центр «Протон», где учился Нигматулин, расположен примерно в 40 минутах ходьбы от управы; когда директору показали скриншот с лицом школьника, она назвала его имя и фамилию.

Юноша не стал отрицать, что написал и приклеил листовку, однако от него стали требовать большего. «На него давили страшно. Адвоката не было, нам запретили вмешиваться — сказали, что выгонят, а вместо нас позовут социального педагога из его школы и психолога. Они спрашивали: "А что

[революционные школьники] хотели еще сделать? Нам сказали, вы хотели устроить взрыв. Что вы хотели взорвать? Что ты еще взрывал?". Он все свои мысли начал излагать так, будто он реально что-то хотел сделать. Ребенок был в шоке. В этом состоянии он бы подтвердил и покушение на Путина», — рассказывает отец Марата.

По итогам этой беседы Нигматулиным не выдали ни протокола, ни другого документа, однако содержание первого опроса подробно излагается в материалах, которые следствие позже направит на комплексную психолого-психиатрическую экспертизу по делу (есть в распоряжении «Медиазоны»). Силовики утверждают, что Марат в тот день признался: «революционные школьники» намеревались «совершить социалистическую революцию путем захвата власти вооруженным подпольем». Кроме того, молодой человек якобы рассказал оперативникам, как обсуждал с Орловой план похищения православного бизнесмена Германа Стерлигова ради выкупа; говорил, будто хочет грабить банки, взорвать в ТЦ «Европейский» бомбу, начиненную гравием, повредить рельсы, чтобы пустить под откос «Сапсан», и напасть на Государственный космический научно-производственный центр имени Хруничева.

— Такие опросы не имеют никакой юридической силы, — считает адвокат Марата Нигматулина Дмитрий Динзе. — Это не доказательство. Кроме того, даже в таком опросе они должны были соблюсти процедуры, так как он несовершеннолетний:

поставить в известность прокурора, разъяснить право на адвоката.

Кроме Нигматулина оперативники опросили Алису Орлову, следует из материалов дела, и как минимум еще одного знакомого Марата — Илью Даминова, который по его просьбе распечатал листок с текстом про керченский шутинг. Содержание этих бесед защите школьника пока не известно. Орлова отказалась говорить с корреспондентом «Медиазоны» об обстоятельствах своей встречи с силовиками и перестала отвечать на сообщения, сославшись на занятость; с Даминовым «Медиазоне» связаться не удалось.

Официально Марата задержали через месяц, 11 декабря — силовики забрали его с уроков и отвезли в отдел Следственного комитета по Дорогомилловскому району. Там школьника ждала следователь Виктория Алмазова; на столе перед ней лежало постановление о возбуждении уголовного дела по статье об оправдании терроризма (часть 1 статьи 205.2 УК) из-за листовки на дверях управы. Привлеченный следствием в качестве эксперта лингвист [Евгений Тарасов](#) из Института языкознания РАН посчитал: фразы «совершивший сие прекрасное деяние Владислав Росляков», «мы на правильном пути» и «отныне мы будем устраивать что-нибудь подобное регулярно» свидетельствуют о том, что автор одобряет теракты.

Следователь Виктория Алмазова входила в группу по расследованию [дела «Нового](#)

величия» — группы молодых оппозиционеров, которых обвиняют в создании экстремистского сообщества (282.1 УК). СК вел это дело с марта 2018-го по февраль 2019 года, сейчас оно слушается в суде.

Адвокат обвиняемой по этому делу Марии Дубовик Максим Пашков подтвердил «Медиазоне», что Алмазова участвовала в следственных действиях, в том числе допрашивала и его подзащитную.

В августе 2019 года в Следственном комитете Владиславу Нигматулину сказали, что Алмазова уволилась. Дело его сына передали другому следователю — Анне Корнейчук.

На допросе у Алмазовой школьник признал вину частично — как и раньше, он не отрицал, что наклеил листовку, но настаивал, что не оправдывает терроризм. «Марат снова объяснил: он решил это сделать, чтобы как-то показать мужественность перед подругой. Следователь Алмазова нам сказала: мотивы нас не интересуют, нас интересует преступление», — вспоминает Владислав Нигматулин.

«У нас есть определенные предположения [о причинах поступка Марата], связанные с подростковым возрастом. В связи с тем, что определенный гормональный фон у подростка, они могут совершать действия, в которых не отдают себе отчет», — добавляет адвокат Динзе.

Через два дня — 13 декабря — Дорогомиловский районный суд Москвы отправил Марата под домашний арест; в ходатайстве следствия необходимость такой меры пресечения обосновывалась стандартно: старшеклассник «может скрыться» и «оказать давление на свидетелей». Суд запретил ему общаться с Алисой и посещать школу, Нигматулин перешел на домашнее обучение. «Следователь [Алмазова] не разрешала даже к врачу поехать. Все наши ходатайства — чтобы он мог в школу ходить, или на консультации, или сдавать экзамены в общем порядке — говорили "нет" и все», — возмущается Владислав. При этом следственных действий с подростком почти не проводилось, подчеркивает его отец.

«Они сказали, что у них есть возможности». Клиника

В апреле силовики неожиданно вызвали на беседу самого Владислава Нигматулина. Встречу назначили в отделе ФСБ по Западному округу Москвы на Осеннем бульваре. По словам отца Марата, его ждали четверо мужчин — один представился начальником окружного отдела, а трое — оперативниками спецслужбы; ни один из них не назвал своего имени. Владислав утверждает: ему предложили повлиять на сына, чтобы тот признался в организации террористического сообщества (часть 1 статьи 205.4 УК) в обмен на условный срок. Нигматулину перспектива условного наказания по столь тяжелой статье показалась неправдоподобной. Понимая сомнения отца, сотрудники ФСБ «сказали, что у них есть свои возможности»; когда Владислав все же отказался от сотрудничества, ему пообещали, что в деле Марата скоро появится еще один эпизод.

Через месяц подростку действительно предъявили еще одно обвинение по части 1 статьи 205.2 УК — на этот раз эксперты ГБУ «Московский исследовательский центр» нашли «оправдание использования насильственных действий в отношении военнослужащих» в тексте с ворот лечебно-диагностического центра Минобороны. Экспертизу проводили по посту с листовкой из группы «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!». Листок, прикрепленный к дверям Пенсионного фонда, тоже проверяли, но в этом тексте оправдания терроризма эксперты не нашли.

После этого оперативники ФСБ общались уже напрямую с Маратом; его родные и адвокат настаивают, что они добивались от юноши признания в создании террористического сообщества. В конце июня Марата направили на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Психиатрическую больницу № 1 имени Алексеева-^[1]. По словам Владислава Нигматулина и его жены Людмилы Курбановой, на протяжении тех двух недель, что их сын провел в клинике, сотрудники спецслужбы посещали его ежедневно. «Приходили днем, затем — в час, в два ночи, беседовали до пяти утра, курили в палате. Угрожали: ты должен признаться [в создании террористического сообщества] — или останешься навсегда в этой больнице, мы из тебя сделаем овоща. Называли фамилии. "Такого-то знаешь? — Да. — А такую-то? — Да. — Она состоит в твоей организации, дай на нее показания, назови всех боевиков, которые у вас есть". Он отказывался», — рассказывает Владислав.

По словам отца, в первые дни в стационаре Марата били: чтобы не оставить следов, оперативники клали ему на голову толстую книгу и наносили удары через нее. «Когда после побоев он сказал врачам, что у него болит голова и его тошнит, ему ответили: "Кушать лучше надо, чтобы не болела"», — возмущается Нигматулин-старший.

Владислав и Людмила утверждают, что медики предоставили оперативникам ФСБ неограниченный доступ в палату сына. Впрочем, медперсонал, по словам родителей, тоже оказывал давление на подростка. «[При поступлении в больницу] врач стационара заявила Марату, что знает, что он — террорист, и ему не удастся ее обмануть, и она сделает все, чтобы ему было здесь как можно хуже. Она орала на него», — говорят Владислав и Людмила.

В один из дней, продолжают они, Марата вызвали в кабинет заведующей отделением; кроме нее там сидели двое сотрудников ФСБ. Втроем они стали объяснять юноше, что жаловаться бессмысленно — он не сможет доказать свою правоту. Вечером, разговаривая по телефону с матерью, испуганный подросток попросил ее не предавать происходящее в больнице огласке и «сделать, как они хотят».

Беспокоясь за сына, Людмила вызвала в клинику полицию; наряд, говорит она, в больницу не пустили.

Адвокат Динзе называет визиты оперативников в стационар незаконными: «Человек должен оставаться в нормальном расположении психики. Во время экспертизы не должно быть никаких стрессовых факторов».

Защита обжаловала в Дорогомиловском районном суде действия сотрудников ФСБ и персонала психиатрической клиники, а также бездействие следователя Корнейчук, которой не раз говорили о визитах силовиков к Марату. Суд отказался рассматривать жалобу, сочтя, что происходящее в больнице не имеет отношения к уголовному делу, а бейздействие следователя не затрагивает конституционные права обвиняемого. Семья Нигматулиных также написала жалобу на врачей в Минздрав и заявила отвод специалистам, изучавшим состояние Марата.

17 июля его отпустили из стационара домой. Эксперты пришли к выводу, что юноша здоров и не нуждается в лечении. Теперь Марат ходит в университет — из-под домашнего ареста он поступил на философский факультет МГУ; с 11 июля меру пресечения ему изменили на запрет определенных действий.

«Сейчас он говорит: "Я вообще не понимаю, зачем я это делал". Потому что, наверное, он правда не понимал, отсутствовал жизненный опыт. Ну кто эту листовку там увидел? Да никто не увидел. Он ее приклеил на двери управы, вышел охранник и тут же ее сорвал. Реально какого-то публичного оправдания не было. Я понимаю — он бы сделал десять штук, расклеил по району. Но тут — он одну листовку прилепил и пошел себе дальше. Как это можно назвать?» — недоумевает Владислав.

В конце сентября он написал корреспонденту «Медиазоны»: «Сегодня три новости. Марата взяли

в сборную МГУ по легкой атлетике; пригласили к участию в двух международных конференциях в Москве и Зальцбурге; сказали что будут оформлять его на обучение за рубежом по обмену».

Если Марату Нигматулину предъявят обвинение в организации террористического сообщества, ему грозит до 10 лет лишения свободы — эта статья предусматривает сроки от 15 до 20 лет, но таково максимальное наказание для несовершеннолетних, установленное УК.^[2]

Редактор: Дмитрий Ткачев

Исправлено 8 октября в 16:13. Даже если Марата Нигматулина обвинят и признают виновным в организации террористического сообщества, ему не грозит от 15 до 20 лет колонии, как ошибочно утверждалось в тексте — согласно статье 88 УК, лишение свободы несовершеннолетним^[3] назначается «на срок не свыше десяти лет».

-
1. В Москве она более известна под старым названием — больница имени Кащенко.
 2. На момент совершения преступления.
 3. На момент совершения преступления.